

*Моей сестре Адриане,
научившей меня ценить моё сердце*

Глава 1

АННА

В темноте всё выглядит иначе. Днём бальный зал «Рэйвенфолла» с его переливающимися витражами и высоким арочным потолком служил идеальным местом, чтобы рисовать здесь часами напролёт. По вечерам же наша семейная гостиница превращалась в минное поле из смеющихся постояльцев, дружелюбных местных и, насколько я могла судить, минимум одного оборотня рядом с фруктовым пуншем (судя по тому, как он налегал на кубики сырого мяса).

Я ничего не имела против толпы, если бы необходимость избегать в ней физических контактов не была настолько невыполнимой задачей. Незадолго до моего тринадцатилетия во

мне пробудились психометрические силы — завуалированный способ сказать: «Поздравляем! Получи видения смерти!» В тот момент я как раз лавировала в толпе в погоне за нашим котом Максом, пока он не вытворил очередную шалость с кем-нибудь из гостей.

Сейчас же я пряталась за цветком в кадке.

Вы скажете, никому в голову не взбредёт податься в тёмный угол, оккупированный поющим плющом — сейчас шелестящим мелодией «Мерцай, мерцай, маленькая звёздочка» и пытающимся обернуть свои багровые лозы вокруг моей лодыжки, — и однако же, мне уже три раза пришлось уклоняться от забредших сюда гостей.

Правда, бальный зал «Рэйвенфолла» действительно был забит под завязку. На дворе стояла середина октября, и это означало, что до Самайна и главной вечеринки в году, которую организовывала моя семья, оставались считанные дни, хотя половина собравшихся здесь понятия не имели, что именно кельтские традиции Самайна легли в основу празднования Хэллоуина или что по этой же причине правильнее говорить «Сауин».

Но в городке Уик штата Орегон, где магия всегда на расстоянии вытянутой руки, Хэллоуин считается главным торжеством в году, а «Рэйвенфолл» — главным местом для его празднования. Наша вечеринка в честь Самайна в конце октября — это единственное время года, когда дом опускает магический барьер и открывает

свои двери абсолютно для всех, начиная с местных ведьм и заканчивая живущими в лесу Холлоуторн шелки¹. Разумеется, под прикрытием чар гламура. Потому что у приезжих должен быть повод для разговоров, а не для панического бегства из города.

Дом никогда не скупился на украшения, превращая белый каменный потолок двухэтажного зала в закручивающуюся галактику из пастельно-розовых, голубых и жёлтых звёзд. Блестящий туман собирался в углах и спускался вниз спиральными лентами.

Когда плющ переключился на мои волосы (что для кудрей категорическое «нет»), я перебежала вдоль стены за фуршетный стол, где в этот момент дом активно пытался впихнуть обескураженному посетителю ломтик тыквы, украшенный маленькими оранжевыми звёздочками из глазури. Интересно, как долго тот всматривался в воздух в поисках нитей, которых там нет? Местные магические существа давно перестали обращать на это внимание — дом был способен двигать любые неживые объекты внутри себя при условии, что они хотя бы раз его касались.

Я была на полпути к следующему укромному уголку за баром, когда заметила своих старших сестёр, разговаривающих с мистером и миссис Андраде рядом с балюстрадой лестницы на вто-

¹ Шелки — мифические существа из шотландского фольклора, морской народ, люди-тюлени. (Здесь и далее прим. ред.)

рой этаж. Они смеялись. Семейная пара владела приютом для животных в центре Уика — ну знаете, всякие кошки, собаки, карманный дракон для более магически продвинутых. Кара наверняка пользовалась телепатией, а её близняшка Роуз — эмпатией, чтобы развлекать своих собеседников. Местные, знающие об их способностях, часто старались скрыть свои мысли от Кары или эмоции от Роуз, чтобы проверить, смогут ли сёстры их «прочитать».

Меня кольнула зависть. Я бы тоже хотела забавлять местных или предсказывать судьбы, но, в отличие от остальных членов семьи, моя психометрия бесполезна. Когда я касаюсь кого-то, наблюдавшего смерть, я вижу всё как воспоминание этого человека. А вопросы из серии «А помнишь, как он тогда умер?» — не самый удачный способ расположить к себе собеседника.

В целом я привыкла к видениям. Когда вся твоя родня — экстрасенсы, кровь и чудовища становятся неизменными атрибутами твоей жизни, особенно в Уике. Но порой я касаюсь кого-нибудь, кто наблюдал по-настоящему ужасную смерть, и после неделями не могу выбросить это из головы, кошмары не дают мне спать по ночам, сколько бы лаванды бабушка ни прятала под мою подушку.

Поэтому сегодня я была твёрдо намерена держаться своего плющевого угла. Но мои планы пошли под Максов хвост.

Близнецы заметили меня и, попрощавшись с супругами Андраде, нагнали у стены.

— Опять ищешь лёгкие пути, Анна? — спросила Кара, как всегда старающаяся меня задеть.

— Ты боишься? — В отличие от неё, Роуз всегда само сопереживание и доброта. Конечно, с её способностью чувствовать чужие эмоции ей достаточно одного взгляда на меня, чтобы получить ответ на свой вопрос.

Они на пять лет меня старше и заметно выше, а сейчас в своих переливающихся серебристых платьях и туфлях на шпильках в тон они нависали надо мной как небоскрёбы. Сёстры понимающе переглянулись, и мне ужасно захотелось познакомить их красивые платья с поющим плющом. Они очень разные, насколько это вообще возможно с разнойцовыми близнецами, начиная с их способностей и заканчивая характерами, но они всегда знают, что у другой на уме. И это не беря в расчёт нечестное преимущество Кары.

— Вы прекрасно знаете, что я не могу пойти в глубь зала, — проворчала я, сунув руки в карманы платья. Кара всегда говорила, что карманы на платье — это безвкусица и упущенная возможность захватить с собой милую сумочку, но других я не ношу. А вдруг я найду в лесу горсть пыльцы фей? Мне что, повсюду таскать с собой сумочку?

— Нельзя быть настолько неуверенной в себе. — Роуз рассеянно закрутила на пальце ры-

жую прядь. — Не прячься от своих сил, Анна. Прими их как данность.

— Как мы. — Кара с хищной ухмылкой кивнула проходящему мимо мужчине. — Например, вон тот мужик. Сегодня он забыл надеть нижнее бельё.

— О, — тихо выдохнула Роуз. — Он сконфужен.

— А та женщина — банши¹. — Кара указала на бледную женщину на другом конце зала, подозрительно близко следующую за пожилым посетителем гостиницы. Сестра лукаво на меня покосилась. — Но я, конечно же, пойму, если тебе страшно...

Я сердито на неё сощурилась:

— Вовсе нет.

Кара откинула волосы с плеча.

— Спорим, ты и минуты не выдержишь на танцполе?

— Это мы ещё посмотрим! — И я нырнула прямо в толпу.

И тут же прыгнула вбок, чтобы избежать столкновения с вальсирующей парой, а затем поднырнула под рукой болтающей с кем-то женщины, широко жестикулирующей кружкой с тыквенно-корневым пивом. Добравшись до небольшого просвета в центре зала, я притор-

¹ Б а н ш и — в ирландской и шотландской мифологии фея, предвещающая своим жутким криком смерть.

мозила и оглянулась в поисках пути спасения. Я доказала свою правоту, и теперь пора убираться отсюда, прежде чем...

Чья-то рука скользнула по моей, и я ахнула. Тело обдало уже знакомым, но всё ещё непривычным холодом от пробуждённой силы. Зрение затуманилось, и внезапно перед глазами стало прокручиваться чужое воспоминание. По сравнению с прошлыми видениями, которые меня посещали, это было странно искажено, будто я наблюдала за происходящим через мутную воду.

Я в номере мотеля. Рядом со мной стоит мужчина, но всё моё внимание сосредоточено на другом мужчине, привязанном к стулу передо мной. Его бледное лицо в синяках, но серые глаза смотрят дерзко и непоколебимо. Он не рассказал ничего о том, что меня интересует. У его ног лежит женщина с ярко-рыжими волосами и остекленевшими зелёными глазами, смотрящими в никуда. Она тоже не пожелала отвечать на мои вопросы.

Мужчина рядом со мной пихает меня в бок, и я делаю шаг в сторону и кланяюсь. Его голос похож на шорох осенних листьев, от него едва уловимо пахнет сосной. Я не могу разобрать ни слова. Он стискивает пальцы вокруг шеи привязанного мужчины. Его ладонь светится золотом, и это сияние вырывается из

горла пленника и разносится по его венам на руках.

Затем входная дверь номера открывается.

На пороге стоит мальчик лет четырнадцати, за ним – юноша постарше. Мальчик, вскрикнув, роняет ключ. Сияние гаснет, и голова убитого золотым светом безвольно падает ему на грудь.

Я прыгаю на мальчика и сбиваю его с ног. Мы боремся на полу. Он сбрасывает меня с себя, но я успеваю ранить его ножом в плечо. Я слышу жуткий звук и, перевернувшись, вижу, что между рёбрами другого мужчины тоже торчит нож. Он пытается вылезти из окна. В этот момент юноша достаёт ещё один нож и бросает, попав ему в плечо.

Ощущение холода покинуло меня так же внезапно, как появилось, и я пришла в себя посреди бального зала, сидя на полу и прерывисто дыша. В кого бы я ни врезалась — кто бы ни был источником этого видения, — этот человек успел скрыться.

Роуз и Кара с одинаковыми обеспокоенными лицами помогли мне подняться.

— С тем мужчиной что-то не так, — задумчиво сказала Роуз.

— Я не смогла прочесть его мысли. — Кара рассеянно смахнула с юбки налипшие на неё блёстки в форме звёзд. — Анна?

Но я их едва слышала. Перед моими глазами стояли лица тех убитых в номере мотеля.

— Анна? — мягко повторила Кара, но я лишь помотала головой и, высвободившись, бросилась вон из зала.

Мой карандаш летал над страницей, стараясь запечатлеть выражение лица убитого мужчины. Его глаза мне никак не давались: та особая пустота смерти, как огонёк свечи, потушенный собственным расплавленным воском, упорно от меня ускользала. Я смазала пальцем штриховку его радужек, из-за чего они стали серыми, как сталь, и более призрачными.

— Всё равно не то, — пробормотала я. — Да и зачем ему глаза? Кому они вообще нужны?

Я отбросила альбом в сторону, едва не сбив стоящую на кухонном столе кружку с чаем «эрл грей». Он скользнул за край, но один из стульев сдвинулся вбок, не дав ему упасть на пол. Я вяло взмахнула рукой, благодаря дом, и уронила голову на стол. Обычно рисование помогало мне справиться с видениями, но эти образы по какой-то причине не желали меня отпускать.